

Глава 1

— Гори-гори ясно, чтобы не погасло... — прошептал я новым, удивительно молодым голосом, и лишь затем открыл глаза.

Зеленоватые от плесени стены, чернеющие углы под потолком, тусклая мигающая лампочка и часть двери, кажется. Вот и всё, что я вижу. Голову повернуть не могу, как и пошевелиться. Слышу шум капающей воды. Язык упирается в незнакомый прикус.

Чувствую холод металла под своей обнажённой спиной, как и проволоку, связывающую всё тело. Оно у меня сейчас очень сильно болит, ломит и чешется, а левая рука так и вовсе отсутствует ниже локтя. Меня трясёт от холода... Меня! От холода!

Задёргался всем телом, пытаюсь освободиться, но по итогу лишь исполнил танец червяка после дождя. Тщетно. Крепко связали, гады. Ещё и дар не отзывается, будто и нет его. Странное чувство. Знаю, что источник есть, но он не отвечает. Впрочем, если огонь погас, то известно, что нужно с ним делать. Поджечь, конечно же! Всех спалю. Только для начала надо выбраться отсюда.

Продолжил тряску, надеясь, что мои пути хоть немного ослабнут.

— Эй, обрубок, — раздался чужой, хрипловатый голос и по двери моей маленькой комнаты постучали чем-то тяжёлым. — А ну заткнись там! Телек смотреть мешаешь! Оп-па. Человек. Это уже хорошо, с людьми всегда просто. Правда язык какой-то странный, грубый, но я его понимаю. Телек... телевизор? Да, слышу там гундёж какой-то на фоне. Не знаю, правда, что это такое. Мозги вообще не соображают. Послышались удаляющиеся шаркающие шаги и бормотание, затем скрип дерева.

Набрав побольше воздуха в лёгкие и, прокашлялся, повторил и закричал:

— А-А-А! НАСИЛЮЮТ! У-У-УБИВАЮТ!

Затих и прислушался. Из-за двери донеслись какие-то звуки и шёпот. Переговаривались уже двое. Послышалось короткое и приглушенное: «Почему я?», затем звук увесистой оплеухи, вскрик, шипение. Что-то лёгкое точно упало на пол.

Весело им там.

Дальше... ага, так, судя по звукам — лёгкий поднялся, отряхнулся, и подошёл к двери. Послышался звук перебираемых ключей и снова шипение. Змея он, что ли? Ему ответил мужской рык. Часть двери, которую я видел, отъехала в сторону. Спустя секунду надо мной навис человек.

Ну, что я могу про него сказать? Одет в простенькую жёлтую рубашку и плотную куртку, так сразу и не поймёшь, что за шик моды он на себя напялил. А так, в целом, из того, что вижу: папа не старался, мама не любила, или изменяла ему с ослом. Кучерявый. Одно

ухо торчит под прямым углом, второе под слегка изогнутым, вверх. Половина рожи красная, и на ней прям виден след от чужой ладони. Точно не родимое пятно. Глаза, зато красивые, как у животного, правда, непонятно куда он смотрит, на меня или в стену. Говорил я это всё вслух, и пока комментировал одного из своих надзирателей, тот стоял и от злости пытался слиться цветом лица со следом от оплеухи. Тоже одарённый огня? Даже я так не умею. Сильный, наверное.

Зато второй заслушался так, что даже у «телека» звук исчез. Внимательно дослушал, всхрюкнул, и заржал, да так, что лампочка над головой у первого аж затряслась.

— Га-а! — второй хлопнул себя по животу, либо по ляжке. — Мамка, с ослом! Хр, ха-а! О! Тот, что стоит надо мной, окончательно покраснел. Сварился. Теперь я не могу понять, куда именно в рожу ему втащил второй.

Мелко и злобно посмотрел в сторону ржучего, мой продукт не решился сделать замечание или ответить. Ну, будет теперь сыном осла. Зато, как только он повернулся обратно ко мне, сразу довольно оскалился, сделал шаг поближе и навис, зашептал, пока второй продолжал ржать и хрюкать, а я принялся подсчитывать, сколько у него целых зубов во рту.

— Ты, гнида, перед смертью смелым стал? Вчера ныл и ссался под себя, — он ещё раз зыркнул в сторону, проверил, что его не слышно второму. — Порешат тебя, сучку, как родичей твоих, порежут завтра на куски. Нам лично Мейстр ляжку обещал, хе-хе. Человечинка магическая, сразу дар откроем, м-м-м, — договорив это, он закатил глаза в предвкушении.

Тут что, культ людоедов какой-то? Занесло же меня. Впрочем, это всё не важно.

— Десять, — уверенно ответил я этому ужасно страшному мужичку, а тот непонимающе уставился на меня. — Пеньки не считал.

— Чё ты...

— Начальник! Начальник, убери его! — опять заорал я, игнорируя собеседника. — Он целоваться лезет! Говорит, что ты плохо целуешься и со мной хочет! Забери свою ненаглядную!

Смех стих, но не сразу. Какая-то мебель вновь жалобно скрипнула, после чего второй надзиратель поднялся и пошёл к нам, шаркая ногами по полу. Первый явно хотел что-то ответить, но промолчал, вновь глянув на второго. Разве что губой злобно задёргал и отошёл, а на его место встал первый.

Про этого что могу сказать... Лысый. Одет так же. Серёжка огромная в губе, в целом — толстяк толстяком, воняет ужасно, чешется, вспотел. Хотел бы и я почесаться, но не его чёрными ногтями. Такими проклинать можно. Вслух, я, конечно же, этого говорить не стал. Видно сразу, что дурак, ещё обидится и зашибить может случайно, ляпнет раз. А мне сейчас, по ощущениям, не то, что удара хватит этой лапой, тут если поест не дадут — точно сдохну.

— Здравствуйте, монсеньор, — если я бы мог — поклонился, а так лишь моргнул посильнее и носом шмыгнул, что посчитал достаточным. — Славная погодка сегодня, не так ли?

— Мош, подними его, — проигнорировал меня толстый надзиратель, обращаясь к худому через плечо. — Поговорим.

— Это хорошо, — прокомментировал я. — Не люблю лежать. Двигаться полезно для здоровья. Мош, поживее! И спой чего-то, чтобы я не скучал. Давай нашу, народную: Ла-а-а, ла ла-а!

Непонятно, что Мошу не понравилось, моё пение или то, что его заставляют меня поднять. Пока он протискивался мимо толстого, вид у него был такой, будто лимон съел. У меня над головой раздалось шебуршание, пара приглушенных матов на местном языке, и лишь затем скрип металла, после чего ложе, к которому я был привязан, поставили вертикально, и я повис на сдерживающей меня проволоке. Это было... очень больно. Петать я, правда, от этого не перестал. Но фальшивить начал ужасно, вижу по роже толстого, что не нравится ему. Впрочем, его кривая рожа была не единственным, что я смог разглядеть. Понаблюдав, что там за дверью. Небольшое помещение с точно таким же тусклым освещением и парой стульев с баулами под ними, столом, а за ним уходящий куда-то вдаль тёмный коридор и вездесущая плесень.

Толстый решил подтвердить свою разочарованность моим пением с помощью короткого удара. Хекнув, врезал мне в район живота, от чего меня тут же скрутило, а наружу полезло то, что тело, в котором я сейчас нахожусь, съело. Ничего, если быть точнее, один лишь желудочный сок.

В прошлой жизни я бы такой удар даже не почувствовал, сейчас же... мне точно что-то сломали, и каждое мелкое движение отдавалось болью из-за натянутой каким-то мучителем проволокой. И это было настолько больно, что я даже петать перестал. А это уже серьёзно.

Стол для пыток был продуманным, и несмотря на то, что голову мою зафиксировали так, что даже пошевелиться не смог, задохнуться собственной блетовой не получилось. Наклонили ещё немного вперёд, дав мне выпустить всё наружу. Затем вернули на место.

— П...п... — прохрипел я.

— Чего говоришь? — прищурился толстый настолько сильно, что я едва смог разглядеть блеск его глазёнок, залитых жиром.

— Прекрасный удар, — выдохнул, и попытался плюнуть, но уже было нечем, так что лишь криво улыбнулся ему. — Ещё годик потренируешься и будешь бить как моя бабка.

— Шутки шутишь, шутничок? — так же приветливо улыбнулся мне толстый и размял руку. — Давай проясню тебе твою ситуацию. Ты, — он тыкнул мне грязным ногтем в грудь, — труп. Вопрос только в том, насколько больно тебе будет перед смертью. Никто

из твоих не рассказал, зато тебе даю последний шанс. Говори, где свою фамильную хрень спрятали Красновы. У тебя есть время подумать до утра.

Договорив это, он полез куда-то в складки своей куртки, а я задумался. Не люблю это дело, но иногда надо. Красновы значит, моя новая фамилия? Или я их раб, прислуга? Возможно, всё возможно... Значит, нужно показать ему, где «фамильная хрень» спрятана? Да запросто!

— Пошли, покажу.

— Ага, как же, веди, — лениво ответил мне толстый, продолжая копаться в карманах. Что ж, я попытался.

— И ещё, Краснов, — толстый вытащил из куртки... тонкую сигару, судя по виду, затем достал из коробки палочку с одним окрашенным концом и ловко провёл ею о бок коробки. — Если я скажу...

Что он там пытается сказать, я уже не слушал. Всё моё внимание было приковано к маленькому, горящему огоньку на кончике палочки. И я улыбался. Так сильно, что кожа лица впивалась в натянутую проволоку, а пересохшие губы трескались. Я почувствовал огонь, и мой дар проснулся окончательно...

«Гори!»

Палочка мгновенно вспыхнула, и лицо жирного объяло пламенем. Он даже вскрикнуть не успел, пытаясь сбить его с себя руками.

Гори, гори мразь! Это тебе не обычный огонь, так просто его не потушить!

Попятившийся назад толстяк споткнулся и завалился на спину, начал кататься по маленькой комнате. Вскочивший у меня из-за спины худой тип бросился ему на помощь, но только и успел, что дважды руками проехать по его лицу, и подхватить часть живого огня руками. Ну какой-же балбес! Спасибо тебе, господи, за таких идиотов! Толстый уже отправился к господу и не шевелился, когда худой собирался закричать, зовя на помощь.

— Эй, обрубок! — обратился я к единственному выжившему, слегка потушив огонь на его руках и не переставая улыбаться. — Крикнешь — сдохнешь. Освободишь — остановлю боль.

Слушал он меня внимательно, и свои попытки позвать на помощь прекратил, но ненадолго. Увидев, что на нём уже ничего не горит, он собрался было бежать, но куда там. Я перенёс огонь с его одежды к губам, и наружу вырвалось только мычание, полное боли, а залитые слезами глаза умоляюще посмотрели на меня.

— Мне повторить, сын осла? Что ж, повторяю...

— Л-ладно, ладно! — замахал он перед собой почерневшими руками. — Я всё сделаю, только не п-пали, прошу!

— Считаю до трёх. Один... — я сделал паузу, — два...

Объяснять, что конкретно нужно сделать, не потребовалось. Худой, помня о той боли, которую приносит огонь, метнулся и за каких-то пару секунд пощёлкал за моим

подъёмным ложем. Я услышал звон падающего на камни темницы железа, и путы, сдерживающие меня, тут же ослабли, медленно опустив вниз, ровно до тех пор, пока мои босые ноги не коснулись прохладного и сырого камня.

Первый шаг в новом теле оказался чертовски сложным, коротким и болезненным. Пользуясь единственной целой рукой, я сорвал с себя всю ту проволоку, до которой дотянулся, и наступил второй, третий раз. Главное — выглядеть уверенно и сильно, пока тощий не понял, что я уже не управляю таким страшным и болючим огнём. Обернулся, чтобы посмотреть, как он там. Ага, забился в угол, прикрыл лицо руками и скулит. Понимаю, больно. Огонь — это всегда больно. Хотя, мне сейчас тоже очень больно, но я ведь не ною. Так, где там труп жирдяя...

Вопрос был риторическим. Разлеглась эта туша вдоль всего небольшого прохода. Мне срочно нужен его артефакт. Нужно поспешить и найти его, пока тощий не очухался. Коробка нашлась чуть в стороне от трупа толстого. Прижав культию левой руки к обнажённому телу, я вскрыл коробку и повторил то, что делал толстый. Получилось не с первого раза, пару палочек сломал, но получилось ведь! У меня в руках был маленький огонёк. Вернулся в камеру к худому, который уже начал приходить в себя и посмел убрать свои чёрные руки от лица, измазавшись в гари.

— Один, — сказал я, и палочка, горящая у меня в руке, подлетела в воздух, зависнув над тыльной стороной руки, встраиваясь в магическое плетение и одновременно становясь его катализатором. Раздался короткий свист, и во лбу у тощего появилось маленькое сквозное отверстие.

Точнее, так хотелось мне, но попал я в глаз, и тот лопнул, разлившись содержимым. Зато теперь не будет косить, да и болеть у него точно ничего не будет. Тощий обмяк, и я наконец-то смог спокойно выдохнуть.

Да, я мог бы его сковать и допросить о том, кто я, где я, что это за мир и какой сейчас год, кто правит этими землями и какой размер груди у местной царицы. Но нахрен мне это нужно?! Я жрать хочу, помру сейчас! Да и лекарские травы не помешают. Так что нечего тратить силы на всяких там идиотов, потрачу лучше их на главного идиота. На себя.

Направился к столику с одной единственной мыслью: «Ну не может жиртрест обходиться без еды. Ему надо жрать каждый час, так что у него обязательно должно быть что-то припасено.»

Выудив из под одного стула баул и вытрусив его содержимое на стол, я ничуть не удивился увиденному. На стол шлёпнулся кожаный бурдюк с водой, початая банка из толстого стекла с грибными соленьями и несколько мотков вяленого мяса. Даже слишком много мяса. Карты игральные, прямоугольная чёрная пластинка, похожая на плиту на стене. Звякнувший кошель и ещё один мешок поменьше. Что там внутри, меня не интересовало. схватив мясо, я жадно откусил от него и начал пережёвывать. Главное

сейчас — не спешить и не подавиться. Иначе умру глупой смертью. Хотя... один раз уже умер ведь.

Сидеть на стуле оказалось куда больнее, чем я думал. Тощая и голая, избитая задница на жёстком стуле чувствовала себя ужасно. Ходить тоже было неприятно. Тело этого пацана били, и делали это со знанием дела, не пропуская ни единого места. Насколько вижу — повсюду синяки, отёки и прочие «радости жизни». Подумав о плохом и испугавшись, подскочил и проверил места неназываемые, но там ничего не порвано, всё на месте и не кровоточит. И на том спасибо.

Выбрал себе стул помягче: присел на труп толстяка. И продолжил жрать, нарезая мясо прихваченным с пояса толстяка стилетом. Мясо оказалось на удивление вкусным, но, уверен, это из-за ситуации. Я сейчас и грязь готов съесть, без соли. М-да-а... И почему я окончательно не сдох? Нет, про перерождения я, конечно же, знаю. Случается такое, если душа не смогла упокоиться. И ко мне это подходит идеально.

Есть парочка уродов, которые должны ответить за то, что я оказался здесь. Речь не про надзирателей, то, что я их убил, ничего для меня не значит. Я уже убивал, и делал это много-много раз. Человеческую жизнь я не ценю.

Думал я сейчас о своих братьях, предавших меня... Вот их тела я бы сжигал долго и неторопливо, может, даже пообщался бы с ними как следует перед этим... Или нет? Надо подумать.

Пока моя бесконечно умная голова мыслила о том, как отомстить, и придумывала всяческие способы пыток, продолжил действовать. Прожевал столько мяса, сколько влезло, заел грибами, запил водой. Поморщившись, стащил с тощего засаленную одежду и трижды подумал перед тем, надевать ли её на себя. Вздохнув, понял, что выбора, в общем-то нет. Дар мой, хоть и пробудился, но был сейчас настолько слаб, что плакать хочется, но делать я этого не буду. Я взрослый мужчина, хоть и в теле юнца. Ощущения от надетой чужой одежды, пропахшей потом, были мерзотными, но я терпел. Мне реально холодно, меня трясёт, я точно простужен. Да и всё же это малость лучше, чем грызущая кожу проволока. Похватал всё, что смог собрать в комнатухе и с тел надзирателей, и хотел уже было пойти вперёд по коридору...

Ай, я не я буду, если не проверю что там, в других камерах. Интерес пересилил здравый смысл.

Ключей на поясе у толстого было ровно столько же, сколько и комнат в этом подземелье: шесть штук. Быстро подобрав правильный ключ, открыл первую попавшуюся дверь.

Всё тоже самое, как и у меня в комнате: пыточный стол с сотней прутьев, торчащих из него, готовых принять нового заключённого. Ан-нет, вру, уже недавно принимали. Об этом говорят свежие следы крови на полу. Следующие четыре комнаты оказались такими же, разве что количество крови было разным, как и её свежесть. Видимо, я тут не единственный клиент.

А вот последняя комната преподнесла мне сюрприз. Только...

— Маленькие, — расстроено вздохнул я, глядя на скованную и обнажённую темноволосую девушку примерно моего возраста.

Глава 2

«Не, не, не, никакого спасения принцесс сегодня, тут самому бы не сдохнуть,» — думал я, тихонько прикрывая за собой дверь.

Судьба решила иначе, или ей попросту стало скучно. В любом случае, я остался крайним и самым виноватым.

— Воды... — прохрипела девушка.

Мне понадобилась хорошая такая пауза, чтобы взвесить все «за» и «против». Даже глаза прикрыл и вздохнул. Потенциальный союзник, возможно, одарённая. И это всё в обмен на пару глотков воды.

Я ведь прагматик, так? Чисто из собственной выгоды это делаю. И не спасаю всех встреченных дам в беде. Сам бедовый.

Справиться с устройством пыточного ложа оказалось проще, чем я думал. Пара рычагов, пружина, и вот уже девушка падает на пол. И если спереди у неё всё плохо, то сзади вполне ничего так. Подметил, что её не насиловали. Но сейчас не до этого. Сейчас я стараюсь лишний раз не наклоняться, так как каждое движение продолжает отзывать болью во всём теле.

— На, пей, — на пол камеры рядом с девушкой упал бурдюк, на который она тут же накинута.

Судя по тому, что вижу — ранений у неё куда меньше, чем у этого тела. Выглядит более свежей, что ли. Дара не чувствую, но он может быть подавлен, как и у меня. Сразу же возникает вопрос:

— Говори, кто ты, или умрёшь, — сказал я, создавая атакующее плетение и направляя его в затылок девушки, на этот раз уже своими силами, без помощи горящих палочек.

— Максим, ты... какого ты творишь? — удивлённо посмотрела на меня девушка через плечо, не меняя при этом позы, но, видимо, уловила что-то такое в моём взгляде, что заставило её вмиг стать серьёзной. — Баронесса Мария Краснова, твоя старшая сестра. Максим... что это?

Она недоумевающе уставилась на зависшее в воздухе тонкое плетение «Огненной стрелы». А я думал о том, как иронична бывает жизнь. Сестра... если её зашибить, моя месть будет считаться совершённой? Меня ведь предали братья, а она... ладно, признаюсь сам себе, что это бред, и опасности от девки реально никакой не исходит. Пришлось снимать с себя рубашку.

— На, не позорь наш род, — рубашка полетела в баронессу, а я накинул куртку, вышел из камеры и принялся всматриваться в темноту коридора.

Черту понятно, что нужно отсюда сваливать. Вопрос только в том, как это сделать и сколько ещё людей понадобится убить по пути наружу.

— Максим... ой, боги! — вскрикнула прикрывшаяся рубашкой и бурдюком Мария, как только вышла из камеры. — Это ты их убил?.. Что с твоим телом, твоя рука...

— А с твоим что? — автоматически парировал я, думая только о побеге. — Почему твоя грудь такая маленькая, а лицо выглядит взрослым? Ты больна?

Кажется, этот вопрос удивил её ещё сильнее, чем обожжённый труп под ногами и искалеченный младший братец.

— Я... я не знаю, — замаялась она, но тут же опомнилась: — Максим! Что ты несёшь? Где мы?!

— В жопе, — назидательно поднял палец вверх, указывая в потолок. — И сейчас мы будем выбираться отсюда. И да, я не Максим. Сдох твой братец, не выдержал пыток.

— Максим... — судя по взгляду самоназванной сестры, мне не поверили, посчитав умалишённым. Впрочем, в своей жизни я этот взгляд столько раз ловил, что ничуть не смутился.

— Ну пусть будет Максим, хрен с тобой, — махнул я на неё рукой, не став ничего объяснять. — Лечить умеешь?

— Да, но слабо, и мне нужны силы, — живот девушки, как только зашла речь о возможной еде, тут же предательски заурчал. — Если бы поесть, хоть что-то...

— Ты обходишься мне слишком дорого, — пробурчал я, но всё же снял кинул баул мешок под ноги сестры. — Понесёшь мешок, кстати, мне слишком хреново. Там под стулом второй, тоже заберёшь. Всё, сиди здесь и жри, и жди, — с этими словами я направился к тёмному коридору.

— А ты куда? — спросила меня сестра, но в мешок уже полезла двумя руками, отложив бурдюк в сторону.

— Гулять, — вступил я в темноту коридора, тут же забыв про неё.

Тёмный коридор оказался на удивление длинным. Видимо, поэтому к нам ещё не заявились на шум остальные жители этого места. Подсветил себе активным плетением стрелы. Под потолком были натянуты тонкие нити и висели лампочки, но они выглядели старыми. Видимо, ими не пользовались уже давно, или они вообще сломались. Хм-м. Лампочки — это что такое? Вижу ведь, могу назвать, а сказать, что это конкретно — не получается. В голове вообще полная каша из нескольких языков, миров и определений. Хорошо хоть, что могу идти и не падать.

Спустя пару десятков метров упёрся в развилку. Как в сказке прям: три пути. По-хорошему, мне бы держаться правой руки и аккуратно всё изучить, но этот балласт за спиной напрягает. Девку нужно вытаскивать как минимум потому что она знает, кому это тело принадлежит. Но это я уже оправдываюсь сам перед собой. Воспитание не позволит пройти мимо человека в беде. Да и я всего лишь убийца, а не монстр.

Пока стоял, думал и подпирал плечом стену, в отдалении слышались чужие шаги. Понимая, что это не добрые соседи на чай пришли, а наверняка ещё похитители, быстро нарисовал магией простейшее плетение ловушки, вливая в неё всю накопившуюся силу. Сделал пару шагов в боковой коридор и присел, замерев в ожидании и поудобнее перехватив стилет в единственной целой руке.

Враг не заставил себя ждать. И всё было куда хуже, чем я ожидал. Слишком много шагов и голосов. Блики света тут же замелькали по коридору, высвечивая противоположный проход. Я правильно угадал и отошёл в боковой. Нужно принимать решение. Срочно.

Первая идея вкрутившаяся в мозг показалась безумной, но я всё же оставил её, продолжая перебирать остальные с каждым шагом в мою сторону. Уверен, что меня заметят, что опознают лицо, что им об этом месте известно больше, чем мне. Значит... нужен хаос, в котором будет сложно разобраться всем присутствующим, и я его сейчас устрою.

Выждал нужный момент, и сорвался с места точно тогда, когда активировалась заготовленная ловушка. Раздался взрыв, пламя на миг пронеслось по коридору во все стороны, слышались крики, меня оглушило, заплесал свет по стенам и кусок от неё отвалился, больно ударив меня по плечу, но я не отреагировал. Выскочив из-за угла, рыбкой нырнул в образовавшуюся кучу-малу из живых и мёртвых тел и принялся кричать, что есть силы:

— А-А-А! — заорал я прямо на ухо какому-то бородатому типу, после чего тут же вбил ему стилет в подбородок, шипя от боли во всём теле и добавляя ещё больше крови в эту безумную картину.

Моим козырем было то, что в тесном пространстве врагам не развернуться и сразу не опознать главную опасность, а мне на это плевать, все они — мои цели. Измазавшись кровью, я продолжал кричать и бить, резать и колоть стилетом. Ровно до тех пор, пока кричащих не осталось двое.

— А-а-а... — затих последний противник, чьё изумлённое лицо я мог сейчас наблюдать в свете одного из валяющихся повсюду атефактов. — А-а?

— Ага, — согласно кивнул я, выдирая стилет у него из живота и тут же вбивая его в шею врага.

Послышался противный хрип, но мне сейчас было не до прослушивания чужой смерти. Шестеро. Только что я убил ещё шестерых, и единственное, о чём я сейчас думаю, это чем бы поживиться, чтобы продолжить убивать в попытке вырваться из этой западни. Новых шагов не было слышно, и это странно. Нашумел я тут неплохо так, если мы находимся в подвальном помещении, то снаружи должны были как минимум стены затрястись, или вообще окна повывлетать, если они тут есть. Хотя что-то мне подсказывает, что есть. Особенно магических предметов, выглядящих и работающих одинаково. Это уже технология. Техно-магический мир?.. Куда же меня занесло...

У всех при себе было только холодное оружие, провизия и пластинки. Это из уже виденного мною. Так же личные вещи, в которых я не стал разбираться. Набив один из баулов покрупнее, не стал брать полуторный меч. Совсем не под руку, да и не развернёшься с ним в тесном коридоре. Подумав, решил отступить.

— Максим, это ты?! — окликнула меня «сестра», укрывшаяся за трупом толстого надзирателя. Одобряю такой выбор, но это начинает выглядеть так, будто мы над ним уже издеваемся. — Ответь!

— А что ты сделаешь, если не отвечу? — спросил я, погасив плетение и выйдя на свет. Названная сестра только поджала губы, видимо, сравнивая реальность с фантазиями, но стоило мне показаться, как её глаза тут же округлились, став похожими на два чайных блюдца.

— Максим! — она подорвалась из-за своего укрытия. — Что с тобой? Ты в порядке?!

— Нет, я не в порядке, — съязвил ей, пытаюсь при этом прощупать её магический источник и понять его природу. — Пожрала? Лечи давай.

Сел к ней спиной, смотря в сторону прохода и задумался. Что странно — не понимаю сути источника. А я за прошлую жизнь успел столько одарённых повидать, что и не припомню всех. И источники видел разные, как и очень редкие. Но такой, как у неё, чувствую впервые.

Магический фон пока что слабый, но его частота поражает... если развить этот дар, природу которого я не понимаю, может получиться охренеть какой сильный маг. А с виду простая девка-размазня, вот же.

Моей спины коснулись прохладные руки, и я почувствовал, будто меня всего разом лошадь облизала, обожравшаяся перед этим льда. Бодрит-то как! Действие общее, и чувствую, что даже покалеченный и недоразвитый источник этого тела будто бы стал чуточку целостностей.

Увы, когда я хорошо себя чувствую, я начинаю делать глупые вещи. Повернулся к сестре, закончившей лечение, и взял её за руки, посмотрел ей в глаза.

— Я люблю тебя, — сказал искренне. — Давай сбежим отсюда и поженимся.

— Максим, — рассерженно шикнула она на меня. — Прекрати. Скажи лучше, что с тобой случилось, — она вновь оглядела моё тело, залитое чужой кровью.

— Сюда шёл отряд, — я пожал плечами. — Больше не идёт.

— Т-ты убил ещё людей?..

— Да. И я не Максим.

— Максим...

— Да твою мать, женщина, он умер! — я даже встал в полный рост, чувствуя, что у меня больше ничего не чешется и не ломит, но боль пока что не отступила. — Старший принц Каирна, архимагистр Ронде, — я театрально поклонился, — победитель Северной Компании и покоритель дамских сердец.

Аплодисментов и восхищённых возгласов не было. Хотя, это не я такой ущербный, а аудитория не очень. Всего лишь одна полуголая и замызганная девка с таким взглядом, будто сейчас сдохнет.

— Максим, — устало вздохнула она и обняла поджатые колени, сидя на полу. — Если ты двинулся головой после убийств, то хотя бы выведи нас отсюда.

Сидеть на камне голой жопой — вредно. Проверив свои малость очищенные магические каналы, создал плетение едва искуснее, чем ловушка в коридоре, и пихнул под эту самую жопу. Ничего смертельного, обычный подогрев, ну, разве что самую малость резковатый.

— Ай! — вскрикнула сестра, подскочив и схватившись за пятую обожжённую точку

блуждают там тусуются находят союзничков которых не выпускают там гг grit типа хочешь чтобы ты это самое смотри как давно сидят тут женщину не видели потом выходят к пирушке каннибалов